

*Моему дорогому дедушке Тарасову Евгению
Федоровичу, с нетерпением ожидавшему третью
книгу этого цикла, — с любовью*

*С благодарностью Ольге Рыжановой, Валерию
и всем читателям сайта «Самиздат» за ловлю «блех»!*

Рассказ-пролог

***ВСЕ, ЧТО НАМ НУЖНО, ВСЕ,
ЧЕГО МЫ ПОЖЕЛАЕМ***

Говорят, от дивных эльфийских вин похмелья не бывает. Врут! Нагло врут! А может, у эльфов его и не случается, а вот у людей, особенно у обыкновенно не пьющих магев... О-ох, грехи мои тяжкие! Голова гудит, будто в ней какая-то зараза в Царь-колокол бьет и из Царь-пушки палит. Интересно, а эльфийские жеребцы (это я на Дэлькора, коня своего верного, прозрачно намекаю) сей недуг не лечат? Или он у меня только по физическим травмам специалист? Ладно, проверим, главное — не выпасть из седла, продержаться еще хоть чуток, чтобы понять, становится мне лучше или не становится, а если нет, так упасть в травку у обочины и валяться, пока не полегчает.

Мы ведь больше никуда не торопимся. Никого срочно спасать не надо. С Силами, чтобы в жизнь и судьбу мою не лезли, пакт заключили, хвала водичке волшебной из Черного озера. Свадьбу Лаксову, то есть ныне князя Карниалесского Лаксанрэнномириэля, вчера после коронации отыграли. И вовсе не обидно мне и не больно, нет, нельзя обижаться на того, кто так счастлив! Видела я его избранницу: красивая и такая милая, что даже вознамерюсь я бороться за бывшего кавалера — отступилась бы, глянув, какими глазами он на нее смотрит, и как она в ответ ему улыбается; как их руки друг друга касаются, словно хрустального или из сновидений сотканного чуда! Даже непроходимой тупице стало бы ясно: у Лакса впереди своя жизнь с целой кучей княже-эльфийских обязанностей и новой любовью, а у меня свои дорога и судьба. Все правильно,

все так, как и должно быть. Я отпустила! Одним словом — до свиданья, Лакс, еще непременно увидимся, и здравствуй — свобода! Отдыхай, магева, гуляй по миру, а что голова болит — это мелочи, пройдет. Главное, перетерпеть, а то таблетку проглотить, боль стихнет, но такая мерзкая сонливость накатит, что и жизнь не в радость будет.

А вот Фалю хорошо! Спит малютка у меня на плаще, поперек седла перекинутом, и в ус не дует. Нет у него усов! Налопался эльфийских деликатесов от пуза за те дни, что мы в краю Дивных гостили. Столько ел, что я все боялась — лопнет деточка или понос заработает, но нет, только крылышки ярче сиять стали и, кажется, кроха-сильф сделался капельку выше...

— Что, магева, головушка болит? — подъехал сбоку и сочувственно спросил Кейр. Заботливый у меня телохранитель, ну точно папа-брат и дядя-опекун в одном флаконе.

— Болит, — ответила я хмуро. Улыбаться через силу сроду не была приучена.

— Да еще и голос хриплый, — озабоченно покачал головой мужчина. — Перебрала ты малость вчера.

— Голос у магевы оттого хриплый, что она вчера весь день и всю ночь песни свои с эльфами горланила, — язвительно встрял мой второй телохранитель Гиз откуда-то из-за спины. Наверное, специально спрятался, чтобы в глаз не получить за шуточки!

— Не мои, а из моего родного мира, — поправила я его сипло.

Да, голос у меня и впрямь хриловат. Мы ведь — русские — так загадочно устроены: если застолье, надо петь. Я, правда, неправильная русская, потому что ни «Обниму коня, напою жену», ни «Шумел камыш» меня голосить не тянет, все больше песни из кинофильмов или мультиков начинаю исполнять. А что делать, если Лаксовы подданные на меня насели, стоило одну песенку напеть? Вот вчера и состоялся концерт по заявкам. Если бы кто из моих бывших знакомых это видел и слышал, точно решил бы, что глючит. Полный сюр! Одна Ксюша Рой и несколько десятков эльфов в лучших одеждах, в том числе и сама невеста, рассевшись на ветках (они-то сами туда заскочили, как белки, а вот меня Гиз подсадил!), хором пели «Дружба начинается с улыбки». А уж «Песенка мамон-

тенка» среди остроухих меломанов и вовсе произвела фурор. Я им только объяснила, кто такие слоны и мамонты. Кажется, они даже плакали, когда пели. Но голос я точно сорвала. Ладно, вылечусь, зато как представлю, какие песни в Карниалессе теперь эльфы станут петь, меня такой смех разбирает, что начни смеяться — голос точно непоправимо сорву.

— Отвара бы травяного тебе заварить, тепленького, с медком, — цокнул языком Кейр, машинально кладя руку на дорожный мешок, где у него хранились неистощимые запасы снеди, травок и прочих нужных вещей. — В обед непременно сделаю!

— Или холодной колодезной водицы, — мечтательным голосом то ли хроника-алкоголика, то ли больного фарингитом-ларингитом поправила я и снова ненадолго задумалась: а не вылечит ли мне горло гениальный эльфийский коник, это ведь точно физическая травма, не похмелье!

— Как найдем колодец, поднесу, магева, — насмешливо пообещал экс-киллер, а если в этой профессии «экс» не бывает, значит, просто киллер Гиз.

Знает, зараза, что ни одной деревеньки у нас на пути еще несколько дней не попадется, если только напрямик через лес дорогу не срезать, вот и насмешничает, но я обернулась, поймала взгляд, поняла: насмешничает только для вида. На самом-то деле даже чуток хмурится, волнуется за меня, не меньше Кейра. Приятно!..

И вообще, кажется, боль начала потихоньку-потихоньку отступать. Так, сейчас самое главное не сосредотачиваться на процессе, а то боль решит, что ее очень ждут, и с ходу вернется обратно! Лучше полюбоваться пейзажем. Погодка сегодня выдалась так себе, солнышко то и дело за облачками прячется, зато дождика нет. Тепло, и пахнет хвоей. Как я люблю этот запах, накрепко связанный у меня в памяти с летом, речкой и беззаботными каникулами в Алесинке. А тут лес смешанный. Из того, что знаю, серебристые ели, пихты, дубы, каштаны, вальсиноры, в подлеске в основном незнакомые кустарники с кожистыми зелеными листиками, чем-то напоминающими листья апельсинов и помело.

Выращивала я как-то эти цитрусовые дома в горшке, чтобы глянуть, что из этого выйдет. Эксперимент оказался удачным, из семечек вымахали такие молодые деревца, что я уж и не

знала, куда их девать. Выбросить жалко, а на подоконнике тесно! К счастью, разговорилась как-то с соседкой, оказалось, она у себя на балконе целую оранжерею завела, прививает дички, чего-то творит. Ей все и отдала, а мне в благодарность стали периодически перепадать маленькие лимончики к чаю. Есть я их не люблю, но запах! Так бы и нюхала, как токсикоман клей «Момент». Обоюдная выгода получилась!

Потянулась я к кустику, сорвала листик, растерла в ладони, принялась. Свежий, терпкий аромат, цитрусом если и отдает, только самую капельку. Но ничего у своих спутников спрашивать не стала, моя голова сейчас не то что лекций, даже короткой справки не удержит. Лучше просто смотреть! Зелень темная, зелень серебристая, зелень цвета яркого изумруда... сочетания красивые, глаз отдыхает. А еще говорят, зеленый цвет для нервной системы полезен, значит, и голове моей бедной вреда не будет. Можно ехать, осматриваться, слушать птиц, лесные шорохи, издаваемые мелкой живностью, не видной глазу. Почувствовав, как подо мной напрягся Дэлькор в ответ на какое-то слишком шумное шебаршение слева, я жалобно попросила:

— Охотиться нам не нужно, а если побегать захочешь, я тебя на стоянке отпущу, резвись, как бог твой лошадиный на душу положит, хоть кувыркайся!

Четвероногий хулиган скосил на меня хитрый глаз, моргнул, то ли подмигивая, то ли сочувствуя, и снова пошел мягко, оберегая бедную магеvu, впервые в жизни страдающую птичьей болезнью. Нет, даже не просите, не уговаривайте, больше я напиваться не буду! Моего мужества на то, чтобы сносить последствия таких праздников, не хватает!..

Через час пути, просыпаясь, завозился в своем уютном гнездышке Фаль. Встрепетнул крылышками, расправил их, потянулся всем телом, открыл зеленые глазки и расплылся в улыбке. Правильно, именно так надо встречать каждое утро жизни, как говорят психологи. Ты жизни улыбнись, и она тебе в ответ тоже! У Фалья получается. Взлетел рыжик мне на плечо и поинтересовался:

— Я ничего интересного не пропустил?

— Если и пропустил, то мы тоже, поскольку ничего не заметили без твоих зорких глаз, наш доблестный разведчик! — честно ответила я, любуясь рыжим маленьким чудом.

— Сейчас проверю! — То ли дружок принял мои слова за чистую монету, то ли ему поразмяться захотелось, только Фаль взметнулся с аэродрома и понесся.

Мелькнул сильф цветной кометой, будто бенгальский огонек кто-то перемешал с радугой, скатал в шарик и от души запустил вдоль заброшенной или просто малохоженной дороги (хорошо хоть такой путь из эльфийских владений отыскался!).

Вернулся он спустя пяток минут, сияя от возбуждения, как маленький фонарик. Приземляться не стал, завис, как колибри, перед лицом, затараторил, захлебываясь словами и, кажется, слюной:

— Оса! Оса! Там недалеко от поворота сундук с сокровищами, трюфелями и булочками!

— Что, вот так все и сразу?! — не поверила я и захлопала глазами.

Нет, насчет сокровищ и даже булок все возможно, но чтобы трюфели, которые на Вальдине не делают? Тут вообще, насколько я знаю, какао не растет в принципе! Во всяком случае, на этом материке. Так откуда бы взяться шоколадным конфетам, которые Фаль до этого всего раз в жизни отведал, да и то, когда я их случайно прихватила с Земли?

— Да! Да! Трюфели! Давай я тебе принесу! — великодушно предложил сильф.

Значит, трюфелей много, было бы чудок, малыш не стал бы так легко делиться деликатесами.

Сейчас он разрывался между двумя противоположными желаниями: снова мчаться вперед и пробовать-пробовать сладости, дожидаясь всех нас, чтобы показать замечательную находку лично, погордиться, выслушать слова восторга и комплименты.

— Стой! — опережая меня, резко велел Гиз, напружинившись в седле. Неужели какую-то опасность почуял? Я-то пока просто чуть-чуть озадачилась.

— Ловушка какая? — нахмурился Кейр, вынимая один меч из заплечных ножен.

— Магева? — бросил вопрос киллер, передоверяя мне магическое сканирование местности на предмет потенциальной опасности.

— Не знаю, давайте чуть-чуть ближе подъедем, чтобы увидеть, о чем Фаль толкует. Тогда я магию призову и смогу сказать точнее — или не смогу, что, конечно, чуть менее вероят-

но, — честно предложила я, машинально погладив гриву Дэлькора. А краем сознания отметила, что головная боль почти исчезла, наверное, ее любопытство пинками вытолкало, а то в тесноте не поместишься, оно ж у меня большое. Голос, правда, все еще скрипел как несмазанная телега. Но я не Монтсеррат Кабалье, в Ла Скала завтра не петь, как-нибудь переживу.

Сказано — сделано. Фаль завис в голове отряда, Гиз с Кейром чуть выдвинулись вперед, прикрывая меня от гипотетических опасностей, но не отрываясь от коллектива — на тот случай, если и мне придется их защищать магией. Лошади шли мирно до тех пор, пока дорога не вильнула в сторону, открывая вид на очередной участок пути. Тут одновременно Фаль звонко воскликнул: «Вот он!» — и как вкопанный встал Дэлькор. Конь мой при этом издал звук, копытному племени абсолютно несвойственный и слышанный мной до этого всего разок. Дэль тихо зарычал, злобно раздувая ноздри, и забил копытом.

— Надо ж, правда, сундук, деньжата, камушки. — Кейр почесал щеку свободной рукой. — Вот только где ты булки и трюфели нашел, не пойму?

Гиз положил руку на грудь, туда, где у него со времен официального пребывания в рядах Тэдра Номус хранился амулетик, и бормотнул что-то неразборчивое (наверное, регулировал интенсивность действия через голосовую команду), а потом четко и тихо приказал:

— Это морок, все назад. Медленно отступаем. Конь у маге-вы не зря рычит.

Я же смотрела на то место, куда показывал Фаль. Буквально на секунду мелькнула горка чего-то мелкого и желтого, повеяло лимончиками, а в следующий миг я уже не видела ничего, кроме грязно-серого плотного облака тумана, извивающегося так, словно его поймали в ловушку и привязали к участку дороги, подобно воздушному змею.

— Погодите, — попросила я телохранителей, — хочу рассмотреть получше.

— Что, Оса, неужто камушки блазнятся? — жестко удивился Гиз.

Сильф, озадаченный и, пожалуй, чуток испуганный, перебрался на плечо киллера, поближе к правде жизни и подальше от искуса иллюзорными трюфелями.

— Нет, конечно, сначала будто лимонами повеяло, но те-

перь у меня вообще только кусок тумана перед глазами, поэтому хочется понять, что он такое и зачем кажет народу провокационные видения! — объяснила я, каково положение дел.

— Заманивает, — мрачно предположил худшее Кейр. Не то что бы он был пессимистом, но как телохранитель выдвигал самую опасную теорию, чтобы легкомысленная я не полезла на рожон.

Но все же при явной внешней суровости мужчины была в его позе немалая озадаченность. Если это просто кусок тумана, то есть морок, то как с ним бороться, а если где-то поблизости затаились создатели этого морока (читай — враги), то где и как их обнаружить, чтобы защитить магеву?

«Кано!» — шепнула я одними губами, вызывая руну огня, знак того света, который рассеивает не только ночной, но и колдовской мрак. И пожелала увидеть истину. Руна с готовностью полыхнула серебром, обостряя зрение. Ой, увиденное было таким странным и отвратительным, что я невольно потянула повод и велела Дэлькору отступить подальше, как советовал разумный Гиз.

Там, где только что клубился кусочек внешне невинного тумана, сейчас лежал здоровенный шмат какой-то бугристой, серо-бурой, покрытой большими ядовито-алыми наростами дряни, живой, чуть заметно подрагивающей, точно крутое желе. Она пульсировала в такт странному, очень-очень медленному ритму. И от этого комка тянулся под землю толстый (где-то метр в диаметре) канат. Я решила посмотреть ниже. А там, под землей, почти доставая до нашей стоянки и до леса по обеим сторонам дороги, раскинулось что-то громадное и еще более омерзительно-чуждое, чем эта «приманка» наверху. Меня мгновенно замутило, как от поворотов в старинной игре-стрелялке, и стало не до подробностей — пришлось отвести взгляд. Тварь, а что это «нечто» — живое, я поняла сразу, была громадна и очень-очень стара. Наверное, не младше черепахи, подарившей мне кинжал Серое Пламя, и храма Змеи, ушедшего под землю во владениях леди Ивельды. Там мы искали чудовище, а нашли бедолагу зомби. Тварь была стара и голодна. Похоже, в ее желудок (или что там его заменяло) давно уже не попадало хорошей добычи. Но это странное создание все еще пребывало в полусне-ожидании желанного мига, который наступит, когда алчущая халявы жертва коснется сундука-миража.

— Брр! — Я затрясла головой. Теперь точно обедать не буду, а может, даже и ужинать. Вот сильфу радость! Но какая мерзость, однако! Сглотнула подступивший к горлу комок и постаралась коротенько, чтобы чужой аппетит не портить, описать увиденное спутникам.

Ни капельки не испугавшийся Фаль аж задохнулся от негодования. Как какая-то гадина осмелилась притворяться его любимыми трюфелями, денежками и булочками?! Мог бы, ножонками запинал! Кейр и Гиз переглянулись, словно безмолвно сверяли план действий, и первый спросил почти утвердительно:

— Отступаем? Обойдем лесом?

— А если завтра по этой дороге пойдет кто-то другой? — Я отрицательно покачала головой. — Так нельзя!

— Оставим предупреждение, — нашел рациональный выход бывший палач.

Я представила огромный плакат на дороге с грозным предупреждением: «Осторожно, чудовище!» — и какой-нибудь картинкой соответствующей тематики для неграмотных, после чего против воли хихикнула. В нашем мире после такого предупреждения народ точно полез бы смотреть на обещанного монстра, увеличив шансы животинки решить проблему собственного питания. Какая гарантия, что здесь люди мудрее или хотя бы осторожнее? Сдается мне, нулевая.

— Что ты сможешь сделать, Оса? Ты же сама сказала, тварь огромна, — педантично напомнил Гиз, явно не желавший отпускать меня на смертный бой. — Она спит, но неизвестно, что произойдет, начни ты колдовать, чтобы убить ее или даже как-то обезопасить дорогу. Проснувшиеся монстры куда опаснее спящих.

Мужчина замолчал, решив ничего не советовать: успел уже понять, насколько я упряма, начни только на меня давить, непременно упрусь всеми копытами и постараюсь все сделать с точностью до наоборот. Сейчас же вроде Гиз и мнение свое высказал, и выбор за мной оставил: думай, магева, осторожно, но выбирай.

— Что делать? Не знаю... — Я почесала нос, раздумывая. — Во-первых, не знаю, смертное ли это создание в нашем понимании, во-вторых, не ведаю, смогу ли я его убить, и в-третьих и самых главных, не понимаю, должна ли я вообще убивать.

— Ты слишком добрая, — не укорил, скорее, констатировал мужчина.

— Добрая, злая, не в этом суть, — вздохнула я, пытаюсь объяснить, что и как чувствую. — Если бы тут в лесах какой-то серийный маньяк-убийца или педофил орудовал, так и рассуждать бы не пришлось, нашли бы и наказали по всей строгости. Это же создание всего лишь хочет есть и питается теми дурнями, которые слетаются на ее приманку, как мошкара на свет. По большому счету право на жизнь имеет любой, и убивать странное существо, не соответствующее моим эстетическим вкусам, только потому, что его угораздило дожить до поры, когда по охотничьим угодьям проляжет дорога, — неправильно. Вот если бы можно было куда-нибудь его переправить или усыпить получше, чтобы спало до той поры, покуда снова не проснется среди дикого леса, и чтобы никакой разумный (пусть даже относительно разумный!) олух не угодил в сеть...

Гиз только выгнул бровь, Кейр промолчал, но промолчал неодобрительно. Они были не согласны со мной, да я и сама не знала, стоит ли мне соглашаться со странными мыслями, забредшими в шальную магевскую голову. Только что-то глубоко внутри противилось стремлению попробовать магию рун на этом создании. Так не хотелось мне когда-то идти по дорожке вдоль дома зимой — и в следующую минуту с крыши загремела гигантская сосулька. Сделай я шаг, и была бы не Ксения Рой, а шашлык на ледяной палочке. Однако же спутники мои правы в одном: что-то надо решать. Вот только — что?

Я машинально потеряла запястье и вздрогнула, ощутив в ответ пожатие. Подняла рукав эльфийской рубахи, нежно-зеленой, как лужок по весне, и посмотрела на браслет-змею, так привычно обхватывавший руку, что я уже успела почти позабыть о нем. Черно-зеленое с золотом стильное украшение, самостоятельно перебравшееся ко мне на руку из храма Змеи, успело стать привычным и родным. Я не снимала его даже на ночь. Мне показалось или змея приоткрыла черные веки и мигнула изумрудными глазками? Почудилось или мое запястье сжали еще разок?

— Если ты знаешь, что делать, подскажи, — шепотом попросила я змею, поднеся запястье к губам.

Черные веки змеи теперь точно открылись. Крохотные глазки-изумруды засияли ярче, и словно в ответ что-то вспых-

нуло у меня в голове, будто свежий ветерок пронесся, выгоняя остатки утренней хвори. Потом браслетка разжалась и, юркой живой змейкой скользнув с запястья, стекла по крупу Дэлькора в дорожную пыль. Устремилась к туманной приманке, заползла на один из ярких наростов на серо-буром возвышении, замерла на мгновение. Издалека я не могла разглядеть точно, но, кажется, мелькнули в красной пасти язычок и серебряные клыки, головка змейки ударила в середину нароста. Потом дивное создание грациозно заскользило назад. Все происходящее заняло едва ли больше полутора-двух минут. И вот на моей руке снова серебрился чуть запыленный теплый браслет из неведомого материала. Изумруды глазок блеснули в последний раз и скрылись за черными веками.

А там, на дороге, туман исчез, и остался только огромный, будто принесенный прошедшим в незапамятные времена ледником, валун экзотической формы и расцветки. Буро-красно-серый. Да мало ли какие камни и где встречаются? Теперь, во всяком случае, в конкретном «здесь и сейчас», это больше не было кончиком языка-присоски гигантского доисторического монстра, готового проглотить замечтавшуюся добычу. Волшебная змейка, исполняя мою просьбу, превратила тварь в камень. Я благодарно погладила украшение и снова почувствовала в ответ легонькое, едва уловимое пожатие. Маленькая частичка древнего волшебства, столкнувшись с чем-то близким своей эпохе, защитила спутницу, заставила чудовище замереть в каменном сне на долгое время, сравнимое для недолго живущих людей с вечностью.

Кстати, магевская интуиция оказалась права: убивать это необычное создание (да, оно все-таки было смертным, хоть и умертвлялось с трудом) действительно не стоило. Крик умирающей твари (а испустила бы она его непременно), хоть его огнем *кано* жги, хоть *исой* морозь, перебудил бы во всех окрестных лесах уцелевших современниц. Кроме того, монстр в своем глубоком сне со странным ритмом жизни каким-то образом регулировал магические потоки Вальдина, чистил их от метафизического шлака, что ли...

Теперь, благодаря краткому мигу ментального контакта со своим чудесным талисманом из забытого храма, я понимала больше, чем могла объяснить, и только радовалась тому, что не поспешила с действиями.

Диковинная штука справедливость, еще более странная

вещь милосердие, но куда загадочнее иной раз своевременность и необходимость. А выбрать между ними и сказать наверняка — где что, подчас вовсе невозможно. Вот так-то!

— Конфеты исчезли и булочки... — На плече Гиза разочарованно вздохнул Фаль, подтверждая, что странные чары-манок, рефлекторно превращавшиеся в желанные каждой жертве иллюзии, больше не действуют.

— Да, никаких сокровищ нет, — кивнул Кейр и уточнил: — Ты все-таки магию сотворила, Оса?

— А вы разве не видели? — удивленно спросила я друзей и поняла прежде, чем услышала ответ: нет, не видели. Ни сильф, сам создание магическое по своей сути, ни Кейсантир с медальоном моей работы, ни бдительный Гиз с амулетом от межмировой мафии не видели выкрутасов моей уникальной браслетки. — Я не колдовала, но моя спутница, — я снова чуть подняла рукав и кивнула на украшение, — сочла нужным помочь и утихомирила нашего голодного иллюзиониста. Кажется, у них были старые счеты. Мы спокойно можем ехать дальше.

— А другие? — убирая в ножны оружие и не вдаваясь в мои магические дела, уточнил телохранитель, чтобы знать наверняка и, возможно, предупредить путников, буде таковые встретятся.

— И другие в ближайшую пару тысяч лет, полагаю, тоже, — сверившись со своими внутренними ощущениями, сказала я, придерживая поводья. Конь мой рычать давно прекратил, нетерпеливо переступал копытами и требовал продолжать путь. — Никого развлекать чудесными видениями из области драгметаллов и кулинарии тут больше не будут. Кстати, Гиз, что тебе виделось, не скажешь? Очень любопытно!

— Оружие, очень хорошее оружие, и защиты, каковым тут не место и не время, — дал информацию мужчина. Из его рук уже исчез темный клинок, незаметно для меня извлеченный из ножен.

— Оса, а почему ты ничего, кроме тумана, не видела? Потому что магева, да? — не утерпев, любопытствовал сильф, спикировав мне на плечо и умильно заглядывая в глаза.

— Не знаю, может, потому, что магева, а может, все, что мне нужно, вернее, вообще *все* у меня и так есть, — подмигнула я Фалю и посмотрела на Кейра, потом на Гиза. Первый весело рассмеялся, погладил мою шею ладошками, защекотал

крылышками, второй польщенно хмыкнул, а третий (клянись, не вру!), третий покраснел!

Я метнула на него лукавый взгляд и чуть тронула ногой бок коня. Дэлькор словно ждал этого знака. Птицей понесся по дороге, перемахнул через безобидную теперь крупную камешку и ринулся дальше. Следом за мной, тщетно взывая к магевскому благоразумию, поспешили телохранители.

Так и скакали мы до очередного поворота лесной дороги под веселый смех Фаля, осыпаемые его разноцветной пылью. До поворота... А за ним, стоя на обочине, этак по-скромному, у сосенки, нас подждал... Гарнаг! Местный авторитет в ювенальной и иных областях юстиции, или попросту бог Справедливого Суда. Чего же ему понадобилось, неужто успел соскучиться? «Не верю!» — как говаривал Станиславский.

По мере приближения сосенка становилась все больше и наконец превратилась в здоровенную корабельную орясину, а мужская фигура, кажется, уменьшилась, чтобы соответствовать нашим людским габаритам и эстетическим запросам. На сей раз бог был одет в неизменный жилет (мужик, бог он там или нет, явно гордился своим торсом) и кожаные штаны довольно грубой выделки, напоминавшие походное шмотье Кейра. А еще Гарнаг оказался бос. Старался показать свою простоту или оделся так, как захотелось его левой пятке? А Творец его знает!

Кони и без нашего руководства остановились то ли в силу животного уважения к божеству, то ли повинувшись какой-то Гарнаговой силе, неведомой мне, простой магеве. Он-то бог Справедливого Суда, а я, можно сказать, погулять вышла — с Земли до Вальдина. Спешившись, подошла к Гарнагу и хрипловато (горло пока першило, пусть и не столь зверски, как поутру) скаламбурила с невольным смешком:

— Здравствуй, о боже!

— Привет тебе, служительница, — с благосклонной улыбкой отозвался Гарнаг, довольно посверкивая желтыми глазницами марки «сигнальный семафор для адептов» и со снисходительной благожелательностью кивнул Кейру, своему исто-во верующему последователю.

— Ты по нам, великолепным, успел несказанно соскучиться, просто тут гуляешь для аппетита или по делу нагринул? —

поинтересовалась я с ходу, привычно игнорируя опостылевшую «служительницу».

— У меня просьба, магева. Неподалеку есть одна деревня, где случилось нечто странное. Я ничем не могу помочь людям, взывающим ко мне в молитвах, но, возможно, тебе это окажется по силам, — начал интригуяще бог, скрестив руки на груди и поигрывая мускулами.

Интересно, он сам такой умный уродился или ему кто-то намекнул, что меня проще всего ловить на любопытстве, попутно отвлекая прелестями мужского тела? Каюсь, грешна, на такую приманку клюю легче легкого. Вот спрашивается, чего такого он сказал-то? Да ничего, а мне уже жуть как интересно стало! Но я постаралась не подать виду, хотя, если уж Гиз меня со всеми моими хитростями насквозь видит, то Гарнаг и по-давно.

— А что случилось? — будто между делом, небрежно поинтересовалась я.

— Если скажу что-то большее, то невольно могу помешать тебе увидеть истину и отыскать решение, магева, — ловко увильнул от ответа бог.

— Где она, эта деревня, нам по пути? — уже понимая, что мне слишком любопытно, чтобы отступить, обреченно уточнила я.

— По пути, и коль ты согласишься помочь, я обрету власть сгладить дорогу своей волей, — деловито предложил бог, почему-то глянул не на меня, а на Кейра, и прибавил: — На три полных дня вы сократите путь.

— Ладно, посмотрим, что можно сделать, — согласилась я.

Сделка вроде выходила взаимовыгодная. Зачем бы богу меня накалывать, не торговец же он с базара, втюхивающий платье на три размера больше? Для репутации урон и никакого навару. Планов конкретных пока у нашей компании не было, а задачка могла оказаться занимательной. Да и Гарнаг ходатайствовал. Не могу я в лицо плюнуть и отвернуться, если просят, и не важно, кто: человек или бог. Первому, пожалуй, даже с меньшей вероятностью откажу, потому что бог — сильный, как-нибудь и сам справиться сможет, а вот людям помощь бывает до зарезу нужна. А тут, выходит, оба случая разом выпали. Вряд ли бог Справедливого Суда будет просить о пустяках...

— Быть по сему, — рассиялся Гарнаг, будто я ему подарок на именины сделала, и звучно хлопнул в ладоши. Взметнулся пахнувший хвоей вихрь, а когда он утих, мы (я имею в виду людей, коней и Фаля впридачу) оказались на совершенно другом участке дороги. И изгиб ее был плавнее, и тех кустов с кожистыми листиками не имелось в наличии, зато посередине стоял бородатый детинушка.

— Сгладить дорогу?! — вполголоса хмыкнул Гиз, не то удивляясь, не то злясь на божественные выкрутасы. Мы даже через сильфовы круги так быстро двигаться не могли, их еще пойдешь отыщи, да и найдешь — переместиться все равно сможешь лишь туда, где есть другой круг. Фаль — наш живой пропуск к системе магических телепортов — нового в одиночку на раз-два сотворить не способен.

Завидев нас, детинушка с бородой-лопатой и такими плечами, что оглоблю вместо прутика носить впору, кинулся сломя голову — нет, не в лес, а буквально под копыта коней — и заревел басом:

— Магева, спаси!

Рухнул в пыль, не щадя домотканых штанов, рубахи, расшитой по вороту какими-то не то петухами, не то скелетами (ну не понимаю я ничего в схематичных узорах!), и принялся головой мотать. То ли поклоны странные бил, то ли от мошкеры отмахивался.

— Эй, ты что, а ну-ка вставай, орать прекращай и рассказывай, от чего надо спасать! — закашлявшись, попросила я, чуть отступив от буйного челобитчика. А то вдруг этот человекоед медведь меня за колени обнять пожелает, так ведь сломает, если вообще ненароком ноги не оторвет!

— От проклятия! — севшим голосом прошептал мужик и разрыдался как ребенок. Слезы текли по его искаженному гримасой муки лицу, прокладывали в пыли мокрые дорожки, а он и не думал их стирать или скрывать.

Когда плачет ребенок, его утешаешь, когда женщина, сочувствуешь, можешь даже поплакать с ней заодно, но, когда вот так открыто рыдает здоровенный дядя, поневоле чувствуешь растерянность и неловкость.

— Я сделаю все, что смогу, — твердо пообещала ему, так как с трудом могла перенести такое зрелище.

— Ты давай говори толком, — кашлянув, нарочито грубо

посоветовал Кейр, видать испытывавший точно такие же чувства.

— Проклял нас покойник-маг, — почему-то шепотом, звучно хлопнув носом и чуть успокоившись, пояснил мужик, однако с земли не поднялся, так и остался сидеть в пыли, глядя на нашу компанию скорбным взглядом бродячего, битого жизнью пса. — Всю деревню проклял! За что — не ведаем, не чинили мы ему зла, а только теперь жить совсем неведомо стало, хоть в петлю лезь!

— Проклял покойник или проклял маг? — деловито уточнил Гиз, будто ему и с теми, и с другими приходилось иметь дело. А что удивляюсь, скорее всего, в самом деле приходилось. По пустыкам элитных киллеров Тэдра Номус не нанимают! Страшно, сложно и оч-ч-чень дорого. Многого наш спутник о прошлом не рассказывал, вернее, он вообще почти ничего не рассказывал, но по людским разговорам в дороге и по случайно оброненным словам это я уяснить смогла.

— Маг проклял, а помер-то он уж потом... после, — печально поправился бородач.

— Странно, со смертью магов обычно чары развеиваются, — припомнила я ликбез, проведенный одним знакомым с собачьей кличкой Лорд и патологической страстью к кружевам. — А как именно проклял-то? Рассказывай, да поподробнее!

— Страшно! — будто под током передернулся всем телом несчастный, мяса пудовым кулаком пыль, точно тесто для пельменей из нее делать собрался. — Стали мы все в деревне нашей, в Осинке, слышать, что в головах друг у друга творится. Ты и подумать не успел, а вся деревня, почитай, слыхала. От меня самого женка ушла к сестре, детишек забрала. Знает ведь, что люблю, а не может простить того, что я со вдовой соседкой по пьяному делу того самого на сеновале в позапрошлом году. Да что, не один я такой! Драки пошли, ссоры между родичами, между соседями, моченьки уже нет и нет спасения. Мы, как такое приключилось, сразу к магу ринулись, а он уж того... холодный лежит, улыбается. Есть у нас писарь бывший, так пробовали в вещах покойничка, в записках глянуть, чего ж он учинил, так письма полыхнули огнем и стали пеплом. Хотели другого мага сведущего сыскать, да только деревня наша глухая, пришлых хорошо коли пара в год наберется, а с

тех пор как Умнар одарил нас проклятием, вообще никого не было. Мы же теперь далеко за околицу отлучиться не можем, ноги сами заворачивают, ходока не снарядишь. Идешь вроде по дороге напрямки, а все равно в деревне оказываешься. Только один путь и остался — к богам отправляться. Там-то все, поди, примиримся....

«Да-а-а, ну и отчебучил покойный чародей, если это его работа. Сделал подарочек! Телепатия для неподготовленных деревенских мозгов — просто кошмар!» Я покачала головой. Прав Гарнаг, этим бедолагам, пока они друг друга не поубивали, помощь нужна, но почему же он сам их божественной силой не спас? Или решил магеве работу подкинуть, чтобы не скучала и на сласти сильфу подзаработала? А тут еще Фаль на ухо завздыхал: «Странные они, эти люди, Оса, но мне их жалко. Ты ведь расколдуешь, правда?» — «Попробую!» — шепнула одними губами в ответ.

— А ну-ка. — Я привычно призвала руну *кано* в качестве рентгена — определителя заклинания и не увидела ничего. Все чудесатее и чудесатее, как говаривала Алиса! Магии нет, но не мог же у всей деревни разом открыться столь странный дар?

— Эй, тебя как звать-то? — сочувственно крикнув, спросил Кейсантир бедолагу.

— Дамидон, — прогудел жалобщик, — кузнец я здешний.

— Очень приятно, меня зовут Оса, это мои телохранители Кейр и Гиз. Будем знакомы, — как можно более приветливо (мужику и так в жизни изрядно досталось!) улыбнулась я и предложила: — Может, встанешь, а то разговаривать неудобно.

Мужик поднялся с дороги и принялся отряхивать пыль с одежды. Да, жена ушла, так никто вещицу не постирает, не погладит, лучше побережь. Таких «скелетопетухов» еще поискать! Все юдашкины от зависти к деревенской этнике на одной веревке удавятся!

— И что это именно маг на вас проклятие навел, вы видели в его голове? — задала я первый важный вопрос, нащупывая ниточку решения проблемы.

— Да, почтенная магева, а только пошто он над нами такое учинил, разобрать не успели, я ж говорил, когда мы к нему пришли, Умнар уже остывать начал...

«Значит, все-таки какая-то магия, пусть мне и не видная!» — положила я данный факт на полочку в голове и уточнила диспозицию, вдруг не углядела магии только потому, что она пока не действовала?

— Ты и сейчас слышишь, что и кто в деревне думает?

— Слышу, — обреченно кивнул кудлатой головой проситель. Борода, казалось, тоже кивнула, отдельно от него. — Вас мне не слышать, а их всегда....

«Первоначальная версия отпадает, — резюмировала я. — Значит, надо изучить предполагаемое место преступления».

— Ваш маг жил в деревне?

— Не-э, — удивленно протянул Дамидон. Так изумился, что даже хлюпать носом прекратил. — В лесу у него дом, стало быть, стоял... стоит... — поправился человек. — Недалече, затворенный. Ладный дом, только кто ж в него заместо мага селиться станет, особо после такого...

— Проводить сможешь? — поймав на лету мою мысль, потребовал Гиз.

— А то! — приободрился мужик, сообразив, что магева и К^о немедленно начинают работу.

Гарнаг переправил нас в удачное местечко. На местного жалобщика сразу напоролись, и домик мага, наведшего на деревню странное проклятие (или не наведшего, пока преступление не доказано, человек считается невиновным), располагался буквально в семи минутах ходьбы по лесной тропинке. Даже деревню огибать не пришлось. Дамидон привел нас к поляне в сосновом бору, где стоял бревенчатый скромный домик в два оконца, прикрытых ставнями, с резным крылечком, засыпанным хвоей и шишками. Рядом с домиком виднелся круглый каменный колодец с журавлем. Милый такой, уютный пейзаж, даже в облачный денек уютный — совсем не похоже на жилище злобного мага. Впрочем, где гарантия, что покойник выставял свою злобу напоказ? И чего я вообще ждала? Черной башни, колючек и летучих мышек в качестве декора?

— Дом как дом, — вторя моим мыслям, согласился Кейр. — Добротный дом.

Я покосилась на Дэлькора, зарекомендовавшего себя детектором зла. Конь мирно наклонил голову и принялся за травку под ногами. Хорошая травка, мягонькая, на такой поваляться хорошо, а для лошадей небось еще и вкусная. Значит,

все спокойно. Да и Фаль вспорхнул с моего плеча, полетел осматриваться, не застыл, вцепившись намертво в шею, как делал, когда чуял подвох. Гиз со своим амулетом и не менее уникальным чутьем на опасность тоже был спокоен.

— Отлично! Спасибо, Дамидон, как я понимаю, вся деревня теперь знает о нашем прибытии. Не волнуйся, это не помешает, только пока пусть сюда не ходят, мне и дом, и округу осмотреть хорошенько надо. А сам к людям возвращайся. Потребуется, я в деревню приду, как только выясню, что к чему, — попросила человека, решив создать простор для следственных действий. Да и просто посоветоваться с друзьями без посторонних ушей не помешало бы.

— Спасибо, магева, только помоги, мы что хошь для тебе сделаем, отблагодарим, как пожелаешь! — пылко принялся обещать крестьянин, возбужденно сопя и чуть ли не разрывая на груди рубаху. Борода его, и та радостно распушилась вдвое против прежнего!

— Ступай, — подтолкнул человека Кейр.

Тот, кланяясь и то и дело оглядываясь, не исчезнут ли спасители, как тот сундук-морок, пошел прочь, а мы остались на полянке перед домом в относительных тишине и одиночестве.

— На этом человеке я не вижу заклятий, — поделилась самым главным, машинально перебирая косички Дэлькоровой гривы. Даже в праздники сильф не бросил холить и лелеять жеребца. Так что рыжий шкодник (я о жеребце) выглядел куда импозантнее всадницы в скромных коричневых штанишках и зеленой рубашке.

— Как же так? — озадачился телохранитель, направившийся к колодцу. Разговор разговором, а дел по хозяйству никто не отменял. Лошадей напоить, фляги наполнить, да и самим напиток не во вред будет, если водица добрая. — А как с ними думаешь обойтись?

— Для начала действительно надо думать и смотреть, — пожала я плечами и вслух прикинула возможный план действий. — Поброжу здесь, а если ничего не соображу, значит, попробую вызвать дух покойного мага. Пусть объяснит, что к чему. Даже если он вопреки очевидному ни при чем, может, расскажет, что тут за эпидемия повальной телепатии вкупе с нарушением пространственной координации.

— Стало быть, ночевать здесь будем? — практично осведо-

мился Кейр, беря деревянное ведро с приступки в нише, образованной каменной кладкой колодца, цепляя его к крюку журавля и опуская вглубь. За магевой и Гиз присмотрит, пока он хозяйничает.

— Не исключено, — согласилась я и, не торопясь, побрела по тропинке, огибающей дом, мимо сарая, который вполне можно было приспособить под конюшню для наших скакунов. А пока пусть на травке погуляют.

В движении мне всегда думалось легче, какие-то аксоны дополнительные подключались, что ли, или настрой нужный создавался, а может, проще было поймать разбегающиеся из-под ног идеи. Кейр тем временем выплеснул воду в каменное корыто, стоящее тут же у колодца, и начал орудовать у крыльца. Раздобыл под камнем здоровенный ключ, отпер едва слышно скрипнувшую на массивных петлях дверь, оставил дом открытым свежему ветерку и перешел к ставням, начал снимать навешенные крючки. Гиз же как привязанный следовал за мной. Ну что, спрашивается, может приключиться в десятке шагов от друзей? Украдут, что ли? Так ведь с приплатой вернут, ей-богу! Умолять будут, чтобы взяли назад!

— Оса, а тут еще один колодец, а под крышей совиное гнездо! — поделился информацией Фаль, с разгону врезавшись мне в плечо. Торопился небось, пока я не обнаружила все достопримечательности лично. Хорошо еще легкий, а то бы точно синяк набил, отомстил бы за тот первый фингал, что я ему в день знакомства поставила ненароком.

— Совиное гнездо — это круто. Маг оканчивал Хогвартс?! Но зачем два колодца? — удивилась я, поскольку теперь уже и сама увидела не каменный, как перед домом, а деревянный сруб с воротом, заботливо прикрытый навесом.

— Причуда или вкус воды разный, — предположил Гиз и вдруг сверкнул быстрой улыбкой: — Я ведь тебе обещал водички колодезной поднести, магева!

Крутанул ручку ворота, опрокидывая ведро на просмоленной веревке в утробу сруба. Где-то глубоко внизу раздался сочный бульк. Одной рукой (а ведь по виду не скажешь, что сильный!) Гиз ловко выкрутил полное ведро, не пролив ни капли, отпил первым, наверное, в качестве дегустатора, и протянул мне на вытянутых руках:

— Испей, и пусть горло побыстрее проходит, певица, — с мягкой насмешкой пожелал киллер.

— Спасибо. — Я благодарно улыбнулась и отхлебнула пронзительно свежей вкусной водицы.

После пыльной дороги лучше всяких чаев, соков и вин (особенно вин!) пошла простая вода! Замечательно вкусная оказалась, не чета бутилированной затхлой жидкости из магазина или хлорированному нечто из-под крана. Как присосалась я к ведру, так оторвалась, когда внутри начало ощутимо булькать. Один бульк прозвучал особенно громко, и я звонко рассмеялась. А ведь помогла водица, сдобренная благими пожеланиями, в горле больше не першило, будто наждака наелась.

— Очень вкусная вода, — шепнула я Гизу, отпуская край ведра, отирая капли с подбородка и на несколько мгновений приникая к теплomu телу мужчины. — Ты, наверное, в нее что-то добавил!

— Если бы я в нее что-то плеснул, ты бы, магева, сейчас не водицу хвалила, — прижав меня к себе, низким голосом, будто это он вконец осип от вчерашнего концерта, шепнул в ответ Гиз.

— Да? А что бы я делала? — заинтересовалась, даже не думая вырваться. Так уютно было в кольце его рук, надежно, но, конечно, вовсе не спокойно, скорее, наоборот. Мы ведь не смогли по-настоящему уединиться с той ночи на Черном озере. На шумном эльфийском празднике эта роскошь полагалась только коронованным новобрачным.

— Провоцируешь, Оса? — жарко выдохнул мне в ухо киллер.

— Провоцирую? — Я сделала вид, что задумалась, и спустя секунду гордо согласилась: — Да!

Наши губы, влажные от колодезной воды, встретились в поцелуе. Кажется, всего лишь на миг, потому что буквально в следующую секунду из-за угла дома раздался звонкий голосок Фаля:

— Вот! Вот колодец! Это я его нашел!

Гиз сквозь зубы высказал нечто явно нецензурное и отстранился от меня. Кейр, сопровождаемый сальфом, присоединился к нашему обществу. Штатный телохранитель и завхоз тут же опустил в ведро прихваченную кружку, сделал несколько глотков.

— Эта лучше, чем в первом колодце. Ту небось для животины и хозяйства держали, а отсюда сами пили, — заключил мужчина, осушил кружку до дна и чуть сощурил глаза под резко вынырнувшим из-за облаков солнышком. Весь день светило блудное пряталось от нас, а тут нате, показало сначала краешек, как игривая красотка ножку, а потом и весь диск явило, расщедрилось. — Эх, красота! — запрокинув голову, мечтательно выдохнул Кейсантир, разом превратившись из рачительного хозяина в неистребимого романтика, каковым (я точно знаю!) оставался в душе. — Свет солнечный, небушко скоро совсем ясным будет, сосны макушками облачка щеко-чут. Взмыть бы туда, летать вместе с ветерком....

Устыдившись, я хотела в ответ пообещать поработать над заклятием левитации, едва свободная минутка выдастся, но резко захлопнула говорливый рот, когда увидела нечто невероятное. Ноги Кейра, еще минуту назад твердо стоявшие на траве у колодца, оторвались от земной тверди, и наш спутник довольно быстро, хоть и не на первой космической скорости, начал подниматься вверх. Сам он все еще мечтательно жмурился, разглядывая чашу небосклона, зато Гиз трезво заметил:

— Взмыть? Ты уже летишь. Далеко ли собрался?

— А? — ахнул бывший палач, закрутил головой по сторонам и закрутился вокруг своей оси. На лице застыло ошарашенно-блаженное выражение неверия вперемешку с восторгом. Глаза сияли, как у двухлетнего карапуза, получившего в подарок вожделенный воздушный шарик. — Оса! Как же это здорово! Спасибо тебе! Спасибо! Я уж и не думал, что когда-то сподоблюсь полетать, наяву-то! Словно во сне! Сам будто пушинка! Как легко-то, как здорово!! — сумбурно вывалил на нас впечатления пополам с благодарностями Кейр, мимолетно погладил ветку сосны и поднялся еще выше, к самым макушкам, где и остался: человеческая фигура с широкой блаженной улыбкой на лице, залитая золотым светом. Фаль, залиvisto хохоча, взмыл к нему и принялся носиться вокруг, как маленький спутник, рассыпая разноцветную пыльцу. Красиво!

— Долго я летать смогу, магева?

Этим вопросом наш воздухоплаватель озадачился через несколько минут, в процессе которых я, изо всех сил напрягая ленивые извилины, пыталась сообразить, что же тут происходит. Гиз только зыркнул на меня разок, но никаких вопросов

задавать не стал и с комментариями под руку не полез. Я обожаю этого мужчину: он не только классно целуется, но и умеет говорить, когда надо, а самое главное, молчит, когда требуется! Такое не каждому дано. Чаще крайности встречаются: либо болтуны — не заткнуть фонтана, либо молчуны — не разговаривать.

— А когда ты мечтал, хотел только раз взлететь или навсегда обрести способность к полету? — ответила я провокационным встречным вопросом, запрокинув голову вверх, чтобы видеть собеседника, теперь мягкими скачками перемещавшегося по самым верхним веткам сосен, росших вокруг колодца. Ветерок игриво трепал пряди, выбившиеся из завязанных в хвост волос воина.

— Навсегда, конечно, Оса, только разве такая магия бывает? — смутился и сразу же жадно понадеялся Кейр.

— Сдается мне, бывает, — философски проронил Гиз, дернув уголком рта.

— Спускайся, обсудим, — осторожно предложила я на всякий случай.

Нехотя, с очевидным разочарованием от необходимости прерывать чудесную забаву, ставшую воплощением его детских мечтаний, телохранитель спланировал на брентную землю. Довольный Фаль все крутился вокруг собрата по покорению воздушных просторов.

— Я не накладывала на тебя заклятий для полета, — объявила ему и продолжила прежде, чем на меня обрушились закономерные вопросы: — Думаю, все дело в воде. Именно поэтому у дома мага два колодца. Полагаю даже, в них может таиться секрет проклятия!

— Вода? Она что — проклятая и если да, почему я летал? — удивился телохранитель, с запоздалым недоверием косясь на колодец и начиная прислушиваться к внутренним ощущениям, только руками себя ощупывать не стал. Не знаю уж, что рассчитывал найти или чего боялся. Крыльев у него точно не выросло, да и хвоста тоже. А если бы выросли, то вряд ли бы Кейр долго переживал, сразу бы к делу приспособился.

— Мне кажется, это природная магия самого Вальдина. Вода здешнего колодца, как и вода Черного озера, обладает необычными свойствами. Только этот источник исполняет желания, — почесывая в раздумьях нос, озвучила я рабочую версию. — Гиз выпил и пожелал, чтобы у меня выздоровело

горло, Кейр захотел летать. Оба желания исполнились без явных признаков магии. Возможно, покойный маг захотел получить дары телепатии и уединения и чего-нибудь не рассчитал с масштабами исполнения.

— Тогда я хочу тот сундук с трюфелями, булками и сокровищами, только настоящий! — провозгласил наш скромный в потребностях крошка-сильф и с разгону бултыхнулся в ведро, чтоб уж напиться-выкупаться наверняка для пушей действительности.

Мы приготовились увидеть очередное чудо, но не тут-то было! Приняв ванну, малютка вылетел из ведра кометой и как наскипидаренный завертелся по сторонам, выискивая вожделенный клад. Ничего! Ни одной конфетки, медной монетки или черствого сухарика не появилось. Фаль, обманутый в лучших надеждах, соорудил разочарованную мордашку, фыркнул (а не больно-то и хотелось!), встряхнулся так, что брызги полетели веером, и уже сухим уселся на свой привычный намест — мое плечо.

— Ошиблась, магева? — поднял бровь Гиз, глаза смотрели настороженно, ждали подвоха.

— Или существуют какие-то ограничения на исполнение желаний, — пожалала я плечами, уж очень не хотелось отказываться от удачной и стройной версии. — Ладно, пойдете в дом. Я попробую вызвать Умнара.

Если существуют Силы (очевидные доказательства имеются!) и боги (тоже факты сами за себя говорят!), значит, тонкий мир, то есть привидения и духи, тоже должны наличествовать, хоть и не попадались на моем пути. Влюбленный чудак, изобразивший из себя зомби или привидение, не в счет. Но, кстати, Фаль что-то о духах в тюрьме говаривал, стало быть, он их видел. Значит, призвать можно!

— Прямо сейчас? — удивился Кейр, метнув взгляд на пока еще высоко стоящее солнце.

— Чего откладывать? Для рун время дня и ночи значения не имеет, да и Умнару, полагаю, уже все равно, ибо науке ничего доподлинно не известно о распорядке дня у душ и покойников, — пожалала я плечами, на ходу прикидывая, каким будет основной комплекс рун для занятий некромантией. — Чем быстрее разберемся в происходящем, тем бедолагам деревенским лучше. И не надо хмуриться, опасности никакой, защитный рунный круг, который я держу, охраняет почти от любой беды.

Сказано — сделано. Дом, стараниями телохранителя частично успевший избавиться от затхлого запаха нежилого строения, встретил нас тишиной. Лишь когда мы входили внутрь, едва слышно поскрипывали доски крыльца и пола. Там оказалось всего две комнаты. Первая — кухня с очагом и столом, где маг, по-видимому, готовил, да еще с большим топчаном для сна, застеленным какой-то коричневой шкурой. Второе помещение было рабочим — с подвесными книжными полками во всю стену и еще одним здоровенным столом у окна. Там тоже наличествовали стопка книг, принадлежности для письма, а еще имелся обгоревший кусок столешницы, где, полагаю, когда-то лежали записи мага, в которые сунули нос крестьяне. Да, если в подполе нет пещеры Али-Бабы, деревенский проклинатель жил очень просто и скромно.

Как кошка, выбирающая место, я потопталась по комнатам и, определившись, села прямо на пол где-то посередине между столом и кроватью, на плетенную из сухого тростника дорожку. Вот оно! Почему, не знаю, но именно здесь мне захотелось остановиться. А раз захотелось, значит, так тому и быть. Скрестив ноги (не для медитации, а просто потому, что так удобнее), я призвала рунную магию. Рисовать красками ничего не стала, если призраки и духи — тонкий мир, не видимый невооруженному глазу, значит, и руны не должны быть явными!

— *Эвайз, эйваз, альгиз*, — прошептала я тихо, мысленно воображая переплетение этих рун: ключа к потустороннему миру, движения между миром материальным и незримым, и руны воздуха, руны речи, обещающей контакт. Потом я позвала: — Умнар, давай поговорим!

— Ой, — даже не сказал, а тихо выдохнул где-то позади Кейр.

Они с Гизом, ну и Фаль (куда ж без сильфа, если намечается самое интересное!), тоже были в комнате, только остались ближе к двери, чтобы не мешать моим брожениям и колдовству.

Я открыла крепко зажмуренные глаза и едва не повторила Кейрово «ой!». Прямо перед носом у меня маячил чуть прозрачный сухонький мелкий старикашка с большой головой, забавными клочковатыми бровями, длинным носом, тонкими и длинными, какими-то лягушачьими губами и абсолютно лысой черепушкой. А вот глаза призрака никак не соответст-

вовали такой препотешной внешности. Они были такими печальными и мудрыми, что я почему-то сразу решила: «Если этот Умнар и проклял деревню, то совершенно не нарочно, такого взгляда у мелкого или даже по-крупному мстительного мерзавца не бывает».

— Извини, что потревожила твой покой, — первым делом сказала я, обращаясь к призраку. — Но мне очень нужно знать точно, что и почему в деревне творится.

Я намеренно, как и Гарнаг, не стала вдаваться в подробности, чтобы Умнар говорил, как пожелает и что пожелает, если, конечно, вообще пожелает. Старичок, однако, отпираться не стал, мелко затряс головенкой и как на духу печально ответил:

— Какой уж тут покой, магева, мог бы спать, так сон потерял и только жалеть могу о глупом желании своем да о кончине несвоевременной! Сами боги послали тебя в помощь!

«Вообще-то да», — подумала я скромно, но шокировать бедное привидение подобными откровениями не стала. А то еще заикаться начнет, беседовать станет неудобно. Чувствовать себя в роли милиции, выпрашивающей у несчастного с логопедическими проблемами, на какой улице лежитдохлая лошадь, не хотелось.

— Поведай, что приключилось и как помочь, — тактично попросила я еще разок печального старичка и приготовилась слушать.

— Совсем я из ума на старости лет выжил, — вздохнул дедок, видать, по смертной привычке, хоть дышать ему теперь не требовалась, и печально повесил нос. — Раньше-то на отшибе жить нравилось, одиночество любо было, а как к последней черте приближаться стал, такая жаль меня взяла и обида. Столько для людей делал, любую просьбу олухов этих деревенских уважить старался, а они все одно меня сторонились, нет чтобы просто к старику зайти, навестить — увы, без дела не шли. Видел, бояться, тогда и решил я водицы колодезной испить. Ты правильно, магева Оса, угадала, желание она исполняет, но не всякое. Только заветное и бескорыстное, если душа воистину чего желает и выгоды в том для себя не видит! Вот я, дурак старый, захотел соседям своим великое благо понимания принести, чтобы не надо было слов, чтобы от сердца к сердцу сразу мысль и чувство тянулись, да чтобы тихо и укромно мы жили, без пустого беспокойства пришлых. Сотворил магию, успел понять, что на самом-то деле не радость,

кошмар принес, а исправить ничего не успел. Срок вышел! Так и маюсь по сей день, жду, чтобы поправить беду кто-нибудь смог, людей жалко! Они ж, горемычные, измаялись совсем! Только они к дому моему будто дорогу забыли! Сделай милость, магева, испей из колодца, захоти, чтобы все стало по-прежнему, как до желания моего! Сердце доброе у тебя, водица не откажет! А как исправится все, так мне покой придет!

— Хорошо, попробую, — согласилась я с такой очевидной возможностью выхода.

Зачем изобретать велосипед, если есть простой путь решения проблемы? Это только нормальные герои всегда идут в обход, а я ж больная на всю голову! Почему больная? А какая здоровая будет шляться по дорогам в обществе палача, киллера, обжорки-сильфа и хулиганистого коня? Нет, точно, я чокнутая — и (вот ужас-то!) мне это нравится! Значит, будем пить (благо что воду, а не эльфийское вино) и загадывать желание! Я ведь уже из колодца хлебала, и ничего ужасного не случилось, даже кое-что приятное произошло, пусть дело было и не в загаданном желании. Жаль только, мало «произошло». Ну, ничего, если мы эту проблему решим, значит, в домике сможем на ночь со спокойной совестью оставаться, а топчан тут широкий, хороший такой топчан, двое легко поместятся!

И мы дружной компанией (призрак в том числе, он только бледнее стал при свете, но исчезать даже не подумал) отправились к колодцу номер два. А хорошо, что Умнар остался, в его присутствии мои друзья никаких сомнений в умственной полноценности магевы Осы не высказывали, то ли верили, что я права (сомнительная версия), то ли опасались помешать ритуалу (что более вероятно).

Для верности вылил остатки волшебной воды на траву (мало ли, может, выдохлась уже), Кейр снова опустил ведро в колодец и извлек новую порцию ценной влаги. Степенно поставил ведро на сруб.

— Будешь пить? — принялся спрашивать неугомонный сильф, перепорхнувший к волшебному источнику поближе и сейчас прохаживающийся по колодезному вороту. Небось решал, какое бескорыстное желание поможет ему обрести тот заветный сундук с трюфелями.

— Уже пью! — объявила я, наклонила голову и глотнула водицы.

К счастью, для ритуала нужен был только глоток, а не целое ведро. Столько я даже ради спасения деревни не вместила бы! И, как поняла из сумбурного рассказа пожилого мага, педантично точной формулировки тоже не требовалось, важна была сила намерения. Вот я и пожелала, чтобы исстрадавшийся от повальной телепатии (лучше бы они, бедолаги, все гриппом переболели!) деревенский народ утратил дар и обрел прежнюю свободу перемещения, а к этому большому желанию добавила еще одно, поменьше. Так, на всякий случай, во избежание рецидивов. Я пожелала, чтобы никто другой без крайней нужды и того желания, которое должно сбыться, не нашел магического колодца.

— Спасибо, магева, — умиротворенно улыбнулся старичок-призрак. Даже лицо его страшненькое — признаться честно, будь я простой деревенской бабой, к такому магу ходить просто так в гости не решилась бы, даже к трижды доброму и одинокому — стало почти приятным. — Ты все поправила! Чую! Вот теперь я могу спокойно уйти, только еще одна малость осталась.

— Какая? — насторожилась я, соображая, не угораздило ли нас оказаться в роли золотой рыбки, которую своими запросами задолбали старик со старухой до полного аута.

Старичок-призрак смущенно пояснил:

— Сбережений у меня малость было припрятано, помер-то я, никому рассказать не успел. Зачем денежкам в земле мертвым грузом лежать? Вот хочу их отдать.

— О, Оса, тебе опять клад! — весело зазвенел предвкушающий наживу Фаль.

— Нет, не магева, господина Кейра, коль не откажет, проведу лесочком и место укажу, — неожиданно заявил дух и даже объяснил: — Очень уж мне его желание по нраву пришлось! Это ж надо, летать захотеть! Я такого и удумать не мог...

— Отличная идея! — поскорее, пока наш щепетильный, а временами и чересчур щепетильный друг не начал отпираться, бодро согласилась я за телохранителя и подтолкнула того в сторону призрака. — Ступайте за кладом, деньги лишними не бывают, а мы вас тут, в избушке, подождем!

— Я с тобой, Кейр! — тут же разохотился рыжий мотылек, со времен раскопок в эльфийских развалинах заразившийся жуткой бациллой кладоискательства.

Ох уж эта неискоренимая и вечная страсть к халяве! От нее не застрахован никто, а уж тем более азартные по своей природе сильфы! Эх глазищи зеленые засверкали!

Короче, приперли мы бедолагу-палача со всех сторон: дух умоляюще смотрит, Фаль мельтешит, магева велит, да и деньги, к чему уж спорить, Кейр найдет куда потратить или на трактир — мечту свою материальную — отложит. Прихватил телохранитель лопатку из сарайчика (призрачный маг подсказал, где и что взять), и отправились они в лес по клады! А мы с Гизом вдвоем у колодца остались. Хорошо, как раз то, что нужно! Гиз, видно, тоже так подумал, потому что снова ко мне подступил, не слепая, заметила, снова насчет «провокаций» спрашивать собрался. Я сделала шаг чуть назад, ближе к ведерку, и предложила, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее и равнодушнее:

— А ты не хочешь воды выпить и чего-нибудь загадать?

— Например? — подозрительно нахмурился мужчина.

— Например, чтобы твоя жизнь и карьера не пошли псу под хвост из-за проваленного задания, чтобы твои боссы переменили решение и позвали назад, чтобы и у тебя все было, как прежде, — сказала я, глядя в сторону, чтобы по глазам моим ничего нельзя было прочесть.

На секунду повисла тишина, только птичка где-то тенькнула, сосна скрипнула, да сердце у меня в груди сжалось испуганным птенцом. Что, если и правда пожелает? Но не спросить я не могла, нельзя, ни к чему и никогда нельзя принуждать в любви, иначе это и не любовь уже выйдет, а рабство. Неправильно так! Если пожелает, так тому и быть, и не важно, что я хочу другого. Вот губу прикусила почти до боли...

— Поздно, магева. Поздно. Оно-то станет как прежде, только я другой и прежним становиться не пожелаю, — усмехнулся мой киллер, но усмехнулся без горечи, и резким взмахом руки отправил ведро назад, в колодец, а потом снова обнял меня крепко-крепко и шепнул, нежно целуя в висок: — А того, чего хочу, магией добиваться не буду!

— Клад далеко, наши его долго выкапывать будут, а в доме топчан был... — протянула я тихонько, обвивая руками талию мужчины.

Гиз коротко рассмеялся, подхватил меня на руки и понес...

Да, этого мы оба на воде не загадывали, однако ж сбылось!..

ГЛАВА 1

Острые ощущения, или Утро добрым не бывает

Все в мире относительно! Точно! Не зря умные люди такую присказку придумали. Она вернее всяких научных теорий с одноименными названиями. Вот, скажем, вчера, охрипшая и похмельная, я жаловалась на жизнь и думала, что хуже утра не было и быть не может. «Нет, может, может!» — как говаривал идиот-оптимист из анекдота.

Короче, я проснулась на топчане в доме Умнара, того самого покойного мага-благотетеля, проклятие коего мы накануне сняли с деревенских бедолаг. Проснулась от смутного ощущения дискомфорта. Нет, матрац был в меру мягким, одеяло теплым, подушка удобной, зато к горлу прижималась холодная полоска стали, и равнодушно-суровый, почему-то неуловимо знакомый голос рекомендовал мне:

— Не дергайся, девочка.

— Это чтобы тебе сподручнее было меня убивать? — поинтересовалась я, искренне недоумевая, почему не сработал охранный периметр из рун и куда подевались все остальные члены нашего маленького, но сплоченного коллектива. Вроде вчера на ужин была только каша с мясом, молока с селедкой никому не давали. А хоть бы и давали, Фалю-то без разницы, в каких сочетаниях лопать, желудок все примет с благодарностью, лишь бы вкусно было.

— Освободи Гиза от служения и останешься жива, — сухо распорядился голос, не убирая лезвия, потому запрокинуть голову посильнее и разглядеть шантажиста в лицо не получалось. Он даже не пах ничем, вот точно как мой личный киллер. Только жесткий рукав терся о щеку, давая понять, что кроме ножа присутствует и его владелец.

— Никого не удерживаю насильно, если захочет, пускай

уходит, — охотно поделилась я несекретной информацией, не желая поддерживать увлекательную игру в допрос негибавшего разведчика.

— Без проклятий вслед и иных санкций? Слово служительницы? — недоверчиво уточнил шантажист.

— Мое личное слово.

И тут кто-то попытался открыть дверь в комнату. Судя по застенному погромыхиванию, шантажист чем-то предусмотрительно заложил дверь. Чтобы процессу «дипломатических переговоров» посторонние не мешали. Заложил на совесть, если судить по встревоженным ругательствам, перемежающимся взволнованно-злобным требованием открыть немедленно и сообщить, что со мной, магевой Осой, все в порядке. Может, ножку стула в дверную ручку вставил?

Но одного любитель устраивать невинным девушкам побудки с железными аксессуарами не учел — наличие в дома сильфа. Нет, на раз-два малыш колдовать еще не научился, а вот влететь в комнату через печную трубу сообразил.

Сначала в дымоходе что-то подозрительно зашуршало, потом посыпались хлопья сажи, потом взметнулось темное облако, и из него, как повелитель демонов-лилипутов, взметнулась черно-серая фигурка. Фаль! Скитания в человеческой компании не прошли для сильфа даром. Обстановку в комнате он успел оценить мгновенно и почти адекватно. Засверкал зелеными глазищами — единственным, что оставалось цветным в его нынешней темной ипостаси — и ринулся на врага в полете-пике, заверещав так, что у меня сразу заложил уши:

— Немедленно отпусти Осу! Негодяй, зверюга! Осел! Отпусти, а не то я не знаю, что с тобой сделаю! Как дам!

Вот оно, интеллигентное воспитание сильфова круга, никаких ругательств покрепче малютка не знал. Моральное же воздействие употребленных выражений оказалось весьма слабым. Неизвестный, радеющий за свободу отставных киллеров, не то хрюкнул, не то фыркнул, и ничего больше предпринимать не стал. А это уже зря! Видя, что воздействие словом не помогло, Фаль разобиделся окончательно и так интенсивно вострепетал крыльями, что сажа с них облетела вместе с радужной пылью, оседая на лежащей с ножом у горла мне и на владельце холодного оружия. На нем — большей частью.

Одновременно с опылением шантажиста взломщики-спасители доломали-таки дверь, вернее, снесли ее с петель, от-